

Игла смерти

Автор:

[Валерий Шарапов](#)

Игла смерти

Валерий Георгиевич Шарапов

Иван Старцев и Александр Васильков #9Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив

В криминальной среде послевоенной Москвы участились случаи употребления сильнодействующего наркотика неизвестного происхождения. Некоторые – со смертельным исходом. Сыщикам МУРа Ивану Старцеву и Александру Василькову удалось вычислить курьера, доставляющего «дурь» в столицу. Его следы привели оперативников в район Великого Новгорода, туда, где еще недавно шли ожесточенные бои с фашистами. Враг оставил там множество кровавых загадок, в том числе и тайну опасного наркотика. Все это муровцам предстояло разгадать в самые кратчайшие сроки...

Уникальная возможность вернуться в один из самых ярких периодов советской истории – в послевоенное время. Реальные люди, настоящие криминальные дела, захватывающие повороты сюжета.

Персонажи, похожие на культовые образы фильма «Место встречи изменить нельзя». Дух времени, трепетно хранящийся во многих семьях. Необычно и реалистично показанная «кухня» повседневной работы советской милиции.

Валерий Шарапов

Игла смерти

© Шарапов В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Глава первая

Москва, Ленинградский вокзал

13 августа 1945 года

Костя Ким аккуратно вел пожилую мамашу под ручку, сторонясь спешивших навстречу приезжих. Несущийся к выходу из Ленинградского вокзала людской поток бурлил – видать, к перрону только что прибыл пассажирский поезд. Чуть зазевался, и сметут с пути вместе с мамашей.

Вокзал гудел, словно пчелиный улей в разгар цветения липовых садов. Домовитая буфетчица в казенном халате подливала в титан воды из ведра и громко осаживала страждущих побыстрее отведать чаю. К кассам тонкими змейками стояли в очередях люди с узлами, с чемоданами, с непоседливыми детьми. Дежурный с ночи позабыл выключить электричество, и под высоким потолком тлели обесцвеченные солнцем лампы.

Мамашу Кости пригласила в гости ее родная сестра, проживавшая в частном доме на южной окраине Ленинграда. «Погоды в этом году стояли теплые, папировка с бессемянкой[1 - Папировка, бессемянка – сорта яблонь.] дали значительный урожай, – сообщала она в последнем письме. – Приезжай, душа моя, наготовим компотов, варенья и станем отдыхать на веранде спокойными вечерами...» Мамаша вспыхнула желанием отправиться к сестрице, и Косте пришлось канителиться со сборами, с покупкой билета в мягкий вагон.

Поравнявшись с газетным киоском, он замедлил шаг, прислушался... Лишенный эмоций женский голос с равнодушием вещал из репродуктора о прибытии и

отправлении поездов. Выяснив, на каком пути стоит ленинградский поезд, молодой человек повел мамашу к выходу из вокзала на перроны.

На перроне возле стоявшего поезда суетился народ. Слева к открытым дверям вагонов тянулись очереди, справа плыл нескончаемый ручеек из пассажиров, провожавших, носильщиков; под фонарными столбами спешно курили отъезжавшие последние перед дорогой папироски...

– А вот и ваш вагон, – обрадовался Костя тому, что вагон оказался рядом и не пришлось тащиться с чемоданом вдоль всего состава.

Предъявив проводнице билет, Костя помог матери шагнуть в тамбур, прошел следом. Отыскав нужное купе, задвинул чемодан под диван.

Пожилая женщина отдышалась, пришла в себя, придирчиво оглядела временное жилище.

– Чисто, – оценила она. – И даже занавесочки на окнах свежие.

– Я выбрал вам самый лучший вагон, мама, – не без гордости произнес Костя. – Тут вам и чай предложат, и ночью будет не так шумно, как в общем вагоне.

– Я уж и позабыла, Костя, когда в таком удобстве ездила, – призналась женщина. И, пригладив непослушный чуб на лбу сына, произнесла беспокойной скороговоркой: – Поезжай, родимый. Как бы начальство не заругало.

– Не волнуйтесь, мама. Разве ж начальство не понимает? Да и отпросился я до обеда...

От Ленинградского вокзала до Петровки было недалеко – если ехать по Садовому, то выйдет не дольше двадцати минут. Однако стрелки часов подползали к полудню, а пассажиров в вагоне прибывало – чего зазря мешаться? В соседних купе люди обустроивались, готовясь к долгому путешествию, по проходу туда-сюда сновали люди.

И Костя засобирился. Встав, одернул пиджачок, трижды расцеловал мамашу.

- Счастливо вам добраться. Письмецо напишите, как отдохнете с дороги.

- Напишу. Сразу напишу.

- И передавайте привет моей тетушке.

- Непременно. Ты поосторожнее там на своей службе, - промокнула мамаша платком глаза и выглянула в коридор, провожая взглядом удалявшуюся фигуру единственного сына.

Костя топал по перрону и с удовольствием вдыхал запах вокзальной гари. Важное дело, томившее всю последнюю неделю, осталось за спиной: мамаша устроена в купе мягкого вагона, и через несколько минут поезд понесет ее на встречу с любимой сестрицей. Ему же надлежало поскорее прибыть в управление на Петровку и покончить с давним поручением Ивана Харитоновича Старцева.

«Ох уж это поручение», - вздохнул Константин, поворачивая к газетному киоску. Пока он оставался младшим по возрасту и званию в оперативно-следственной группе, вся рутинная работа по оформлению отчетности ложилась на его худые плечи. Костя был начитанным и хорошо образованным педантом. Он страстно любил работу оперативника и с той же страстью ненавидел бюрократию. Писать что-либо было не его коньком. Наверное, поэтому за все устные ответы в школе он неизменно получал «отлично», а за контрольные работы и сочинения - «хорошо», а то и «удовлетворительно».

- «Комсомолку», - попросил он, со звоном высыпав на лоток мелочь.

Серьезная женщина в очках и фланелевой кофте выдернула из нужной стопки газету, посчитала монетки. И вздрогнула от заметавшегося под высокой крышей вокзала громкого окрика.

Стоявшие поблизости пассажиры, встречающие, провожающие - все одновременно повернули головы к выходу на Комсомольскую площадь. Последовал их примеру и Костя.

У высоких дверей дежурил милицейский патруль – его Ким заприметил, войдя в вокзал с мамашей. Трое патрульных оглядывали шедших в обоих направлениях людей, сильно нетрезвых или подозрительных граждан останавливали для проверки документов. Очередному «счастливчику», видать, что-то не понравилось, и он начал громко возмущаться.

«Обычное дело, – подумал молодой человек. – Нервная у этих ребят служба. Никогда не знают, чем закончится следующая минута их дежурства. Не позавидуешь...»

Он хотел было завершить покупку прессы, да заварушка у входа перешла в горячую фазу. Сотрудники попытались задержать упрянца, а тот оказался не робкого десятка – извернувшись, высвободил свой пиджачишко из цепких рук милиционеров и смачно приложился кулаком по скуле ближайшего стража порядка. Кажись, тот совсем не ожидал такого поворота событий и плашмя рухнул на каменный пол, со всего маха ударившись об него затылком.

Костя с молодых ногтей остро переживал несправедливость. На улице и в школе частенько заступался за младших и неоднократно бывал жестоко бит старшими. Мама плакала, переживала. Обработывая синяки и ссадины, она каждый раз объясняла ему, что здоровье и жизнь даны Богом единожды и новых на рынке не купишь. Преполенные уроки не ложились на благодатную почву – упрямый мальчишка поступал по-своему.

Потому и здесь, в бесконечно длинном здании Ленинградского вокзала, он, ни секунды не раздумывая, помчался к месту происшествия.

– Газета! Сдача!.. – неся вслед ему голос из киоска.

Костя не слышал. Он летел к выходу, на ходу выковыривая из кармана удостоверение сотрудника МУРа.

Преследовать наглеца пустился один из милиционеров. А старший патрульного наряда – светловолосый сержант, – опустившись на колени, колдовал над упавшим подчиненным. Тот здорово тукнулся затылком, потерял сознание; на каменном полу расплзлась лужа крови. Текущая мимо людская стремнина делилась надвое: большая часть двигалась дальше, меньшая отваливалась в сторону лежащего милиционера и образовывала на некотором расстоянии

округлую толпу.

– Уголовный розыск! – крикнул Костя, даже не развернув удостоверения.

Сержант сразу понял, что к чему.

– Я разберусь здесь! Давай за ним! – махнул он рукой в сторону Комсомольской площади.

На выходе из-за прибывшего поезда образовалась форменная давка. «Как же нам с мамашей повезло, что мы прошли в пустые двери!» – подивился Костя.

Благодаря небольшому росту, худобе и хорошей физической подготовке невысокий оперативник был проворен и ловок подобно примату бледный саки. Лацкан пиджака Кости украшал серебряный значок отличника ГТО 2-й ступени. Такого же значка, между прочим, в свое время удостоились герои Великой Отечественной войны Покрышкин, Кожедуб, Гастелло, известный снайпер Пчелинцев. Так что гордиться было чем. И когда Ким завяз в медленно ползущем потоке на выходе из вокзала, пришлось вспомнить о спортивных навыках.

– А ну живо дорогу! – рыкнул он на толпу и, помогая локтями, начал ввинчиваться между телами.

Больше всего он боялся упустить из виду белую тужурку милиционера. Только она могла обозначить направление погони, ибо внешности и одежды правонарушителя он за мельтешившей толпой разглядеть не сумел.

Вынырнув из людского водоворота, Ким остановился на последней ступеньке крыльца и закрутил головой...

Подсобили зеваки, стоявшие чуть поодаль от дверей и глядевшие в сторону примыкавшей к площади Каланчевской улицы. В том направлении Костя и заметил мелькавшую тужурку.

– Ну, теперь не уйдет! – стиснул он зубы и помчался вдоль вокзального фасада.

Запыхавшегося милиционера Костя нагнал в начале Каланчевской улицы.

– Лейтенант Ким! – крикнул он, поравнявшись с ним. – Сержант попросил помочь.

– Это дело... Это ладненько, – хрипло дыша, ответил милиционер. – Вон этот глуподырый[2 - Глуподырый (устар.) – глупый.] впереди скачет. С саквояжем по левой стороне улицы...

– Ага, вижу.

Вдоль длинного здания бывшего доходного дома быстро бежал долговязый молодой мужчина, одетый в широкие темные брюки и светлую рубаху под темным полосатым пиджаком.

«Стрекулист!»[3 - Стрекулист (устар.) – пронырливый человек, ловкач.] – тотчас окрестил его мысленно Костя. Тот странно вскидывал острые колени и в такт гигантским шагам точно крылом взмахивал свободной правой рукой. А в согнутой левой горделиво и бережно держал потертый кожаный саквояж, так, словно в нем стояла чем-то наполненная до краев и не закупоренная пробкой аптекарская склянка. Тип и вправду походил на стрекулиста – пройдоху, ловкача-бумагомарателя или щелкопера, удиравшего от справедливого возмездия.

– Уйдет! Быстрее можешь? – спросил Костя.

Толку от выдыхавшегося сотрудника было мало. Зоркий глаз молодого сыщика быстро заметил пожелтевшие от обильного курева пальцы правой руки. Покуда проклятый стрекулист в летних холщовых штиблетах делал два широченных шага, отяжеленные сапогами ноги милиционера совершали всего один шаг, да и тот средних размеров.

– Поднажми, а то не догоним, – подбодрил милиционера Костя.

– Не могу, брат, – хрипло ответил тот. – Давай сам... Главное, удержи... А там и я подоспею...

Перемахнув собранные в кучу куски отслужившего асфальта, Ким ускорился. Впереди показался перекресток. «Переулок или улица?.. Что там?.. Спасская! Точно – Большая Спасская улица!» – вспомнил он.

Удиравший негодяй не стал поворачивать – ни влево к Малой Колхозной площади, ни вправо к железнодорожным товарным складам. Он упрямо бежал по Каланчевской улице, меряя тротуар своими неловкими огромными шагами. Дистанция между ним и молодым оперативником понемногу сокращалась. Крохотный квартал между Спасской и Грохольским переулком проскочили в десяток секунд. И вот теперь стрекулист изменил направление, резко юркнув влево за угол двухэтажного дома.

Это было опасно. Подбегая к переулку, Костя замедлил шаг и прижался к холодной кирпичной стене. Случайно, нет ли, но с неделю назад Александр Васильков рассказал ему, как едва не заполучил пулю в похожей ситуации. В январе сорок пятого при освобождении Варшавы он преследовал троицу юных идиотов из гитлерюгенда. Пацаны были уставшими, ослабленными; двое тащили на плечах фаустпатроны – эрзац-оружие последнего шанса, третий был обвешан винтовками и автоматами. Майор Васильков со старшиной Петренко легко догоняли оболваненных детей. Перекрикиваясь фальцетом на немецком, те с ужасом оглянулись в последний раз и исчезли за углом. Тут бы преследователю притормозить или из соображения безопасности перебежать на другую сторону улицы. Но опытные вояки посчитали дело сделанным и чуть не поплатились за свою беспечность. Когда до конца красивого здания в стиле барокко оставалось чуть более десятка шагов, из-за угла высунулся ствол винтовки и стриженная голова в большой суконной кепке с козырьком. Вороненый ствол глядел точно в грудь Василькова. До выстрела оставалось мгновение. Спас старшина, полоснув очередь из «ППС». В патриотического подростка старшина не попал, но заставил того промахнуться – винтовочная пуля прожужжала над головой майора, обдав горячей и упругой волной.

Оружия у Кости с собой не было. Потому, скользя вдоль стены, он осторожно приближался к переулку, боясь лицом к лицу столкнуться с нескладным пареньком. Над головой проплыла запыленная табличка «ул. Б. Спасская» с облезшей буквой «Б». За углом было тихо. Зато позади все отчетливее слышались тяжелые шаги подбегавшего сотрудника милиции.

Добравшись до угла, Ким быстро выглянул. Зрение запечатлело пустующий кривой переулок, теряющийся вдали меж старых купеческих домов.

– Где глуподырый? Чего ж не догоняешь? – с трудом сокращая последние метры дистанции, выкрикнул страстный любитель табачка.

– Погоди. Что-то не пойму, куда подевался этот деклассированный элемент, – ответил Костя. – Только что нырнул за угол и исчез.

Милиционер имел вид вернувшегося с городского рынка покупателя – до крайности измученного, но счастливого.

– Чего ж тут выгадывать? – откашлявшись, сказал он. – Пошли...

Достав из кобуры пистолет, он смело шагнул в переулок.

По извилистому Грохольскому переулку они прошли чуть больше сотни метров. Вокруг было тихо, прохожие не попадались. Лишь в глубине узких, пропахших пылью и керосином дворов брехали беспородные собаки.

Стрекулист прятался где-то рядом – не мог он так быстро проскакать несколько кварталов, чтоб исчезнуть из поля зрения. Костя отметил, что отчетливый топот стих подозрительно резко. Значит, беглец нырнул в один из дворов или...

– А может, он повернул во Второй Коптельский? – кивнул Ким на короткий переулок, соединявший Грохольский с Большой Спасской.

– Думаешь, как заяц, круги нарезает? – усомнился сотрудник. – Вряд ли. Не побежит он обратно к вокзалу. Забоится...

Спорить Костя не стал, потому как не владел тонкостями поимки уличной шпаны. А сотрудник в этом деле наверняка поднаторел. Шел по переулку по-хозяйски, не таясь, заглядывая в каждую щель и подворотню. Укромных местечек для того, чтобы спрятаться, тут имелось предостаточно. Чернеющие жерла подворотен, многолетние заросли кустарника и сирени, потемневшие от дождей деревянные сараи, покосившиеся щербатые заборы...

На пересечении с Коптельским остановились.

– Сюда он прошмыгнул, – твердо заявил Ким. – Если бы бежал дальше по Грохольскому, я б его увидел, когда выглядывал из-за угла.

Довод показался убедительным, милиционер уверенно повернул влево.

Коптельский переулок был прямым и коротким, шагов сто – не больше. Из его начала хорошо просматривалась соседняя Большая Спасская. По левую сторону возвышался серый многоэтажный дом с облезлой штукатуркой на торце. По правую – невысокие частные дома, терявшиеся в зарослях густой сирени.

Оперативник и милиционер медленно шли по центру переулочка, осматривая все «шхеры», где мог притаиться исчезнувший стрекулист.

Внезапно Костя заметил меж зеленых листьев сирени белые точки. Листья под легкими дуновениями ветра тихонько шевелились, и точки то исчезали, то увеличивались до крупных пятен.

«У него ж под пиджаком была светлая рубаха!» – вспомнил Ким и схватил сотрудника за предплечье:

– Вон он! Справа за кустом!

Рядовой на секунду остановился. Пригнувшись, он попытался рассмотреть стоявшую за кустами фигуру. Потом что-то хотел сказать, но...

Четыре быстрых выстрела прозвучали из-за куста еще до того, как Ким с милиционером успели что-либо предпринять. Негодяй с саквояжем внимательно наблюдал за ними, смекнул, что его заметили, и открыл огонь.

Стрелял он хорошо – в «молоко» ушла только одна пуля. Две угодили в сотрудника, последняя ударила Константина в ключицу.

Мысли не рождались поочередно. Казалось, они вздувались в голове словно пузыри по две-три штуки одновременно; некоторые из них, не выдерживая давления соседних, громко лопались. Их место тут же заполнялось другими... Полчаса назад Ким с мамашей деловито покинули автобус на остановке «Комсомольская площадь». Все было понятно и предрешено: они войдут внутрь вокзала, узнают номер платформы с ленинградским поездом, отыщут нужный вагон. Устроив мамашу, Костя попрощается с ней и отправится в управление на Петровку. Внезапно на последнем этапе что-то пошло не так, и вместо размеренной предсказуемости со всех сторон посыпались оплеухи абсурда. Откуда-то взялся этот чертов стрекулист с острыми коленками и потертым

саквояжем. Крики, потасовка. Лужа крови под лежащим милиционером. Погоня, переулочек, стрельба. И вот теперь это.

Точно во сне, молодой лейтенант поглядел на умирающего сотрудника. Он хватал ртом воздух и захлебывался собственной кровью. Костя присел возле него, повернул на бок, чтоб кровь вытекала из поврежденного горла наружу. Одна пуля попала ему в шею, вторая в грудь.

Лейтенант машинально пальнул в ответ, потом согнулся пополам, простонав: «Вот же глуподырь!..» И, выронив пистолет, рухнул в пыль.

Ким поначалу боли не почувствовал. Просто под ключицу что-то вонзилось. Острое и горячее. Правда, о ранении он догадался сразу по теплым струйкам, поползшим под рубахой по телу.

– Держись, брат. Сейчас позову людей. – Костя подобрал пистолет и быстро возвратился к Грохольскому переулочку, куда сразу после стрельбы ринулся проклятый стрекулист.

Хотя какой он, к черту, стрекулист?! Тот, конечно, проныра и ловкач, но в граждан и в сотрудников при исполнении палить не станет. Для такого кипиша кишка должна быть потолще, потому как кипиш со стрельбой – это уже не мелкая проказа! Это самый настоящий бандитизм!

Костя посмотрел за угол. Длинная угловатая фигура удалялась теми же нескладными широченными шагами. Стрелять было бесполезно – дистанция не позволила бы поразить цель. Да и поднять пистолет, как оказалось, правой рукой молодой человек не мог. Рука висела плетью и едва удерживала ставшее непомерно тяжелым оружие. Рана саднила, боль пульсировала в унисон частому биению сердца. Кровь так залила правый бок, что рубашка прилипла к телу.

– Эй, парень! Чего это вы тут удумали, а? – слышался скрипучий старческий голос.

Ким почувствовал головокружение. Держась здоровой рукой за стену дома, он обернулся. По переулочку к нему решительно шагал... Лев Толстой. Седая косматая борода, длинная подпоясанная рубаха, заправленные в сапоги брюки. Только вместо палки – торба из грубой мешковины.

– Там раненый милиционер, – кивнул Костя в сторону дороги, очертаний которой уже не различал. – Ему нужна медицинская помощь, Лев Николаевич... Срочно...

Подташнивало. В глазах мутнело. Тело стремительно наливалось неприятной слабостью. Последнее, что он увидел, – опрокинувшееся голубое небо, чуть посеребренное застывшими облаками.

Глава вторая

Москва, Петровка, 38

17 августа 1945 года

Александр Михайлович Урусов родился и вырос в бедной рабочей семье, потому был сдержанным, привык больше слушать, нежели говорить. Говорил он только тогда, когда этого требовало дело. Или когда обстоятельства складывались так, что молчать было невозможно. К примеру, сегодня ему пришлось созвать внеплановое совещание, на повестке которого значился единственный и очень важный вопрос.

– ...Жизнь в послевоенной столице понемногу налаживается. Вы, товарищи, сами видите, с каким размахом идет строительство, как ремонтируются дороги, как восстанавливаются заводы и фабрики, – тихим усталым голосом говорил комиссар. – Вся страна ударно трудится. И наш уголовный розыск работает без выходных и праздников. Вот сколько за последние месяцы ликвидировано организованных банд и арестовано криминальных элементов.

Урусов потряс стопкой машинописных листов с бесконечным списком фамилий. Подчиненные, а это были заместители комиссара, начальники ведущих отделов и старшие оперативно-розыскных групп, одобрительно загудели. Уж кто-кто, а они были в курсе проделанной работы.

– Благодаря в том числе и нашим усилиям общий уровень преступности в стране и в столице снижается, – продолжал Александр Михайлович. – И все бы ладно, если бы не один омрачающий нашу социалистическую Родину факт.

Гул стих. Собравшиеся в большом кабинете вопросительно глядели на комиссара.

– Наркотики, – отчеканил Урусов, и сказанное по слогам слово эхом заметалось под высоким потолком.

...Наркомания досталась Советской России по наследству. В начале двадцатого столетия психоактивные вещества стали показателями принадлежности к новым эстетическим субкультурам. В богемной русской среде элитным наркотиком считался гашиш, а также кокаин, появившийся в России перед Первой мировой войной. Затем в ряд элитных перекочевали и эфир с морфием.

Причиной стремительного распространения наркомании, как всегда, стала жесткая политика запретов. В империи на время войны был введен сухой закон; под запрет попали водка, вино, самогон и даже пиво. В этих условиях жители российских городов быстро нашли замену алкоголю в доступном поначалу белом порошке.

Февральская и Октябрьская революции открыли шлюзы для самых отвратительных форм наркомании. Если до войны кокаин был наркотиком для богатых, то военная неразбериха и революционные потрясения сделали кокс[4 - Кокс – одно из жаргонных названий кокаина. Всего же у самого популярного наркотического вещества в мире насчитывается более сотни названий. Кошка, кокос, белая лошадь, снег, си, тетя Нора, иней, пыль, орех, чарли и т. п.] доступным для всех слоев общества, и волна «марафета» буквально накрыла большие города Советской России. Заядлыми кокаинистами были многие балтийские матросы – цвет и опора большевиков. Нередко среди «нюхачей» встречался и пролетарский рабочий люд, готовый за полосу кокса пойти на любое преступление.

Руководство первого в мире пролетарского государства пыталось бороться с наркоманией. С 1919 года за распространение «дури» начали судить и отправлять за решетку. Правда, через три года этот состав преступления из Уголовного кодекса исчез, а окончательно закрепился только в УК РСФСР 1926 года.

Однако никакие карательные меры в борьбе с наркотиками не помогали, пока удар по ним не был нанесен... водкой. В августе 1924 года на прилавках

магазинов появилась «Русская горькая» – государственная «полуводка» крепостью всего двадцать градусов и по цене полтора рубля за бутылку. После этого резко упал уровень самогонварения, а распространение наркотиков прекратило свой рост. В декабре крепость «Русской горькой» поднялась до тридцати градусов, случился ажиотаж, и до Нового года народ раскупил полмиллиона бутылок. К наркотикам интерес стал ослабевать.

Воодушевленная успехом партия большевиков сделала очередной подарок народу: монополизировала производство и продажу водки, доведя ее до стандартной крепости в сорок градусов. И с этого исторического момента в Советском Союзе начался закат наркопотребления. Горячительные напитки становились все более доступными. Каналы поступления в страну сильнодействующих наркотиков постепенно перекрывались, а контроль продажи и использования обезболивающих препаратов ужесточался.

...Кабинет комиссара Урусова был похож на тысячи других таких же кабинетов, разбросанных по учреждениям и наркоматам Москвы. Зато в здании Управления Московского уголовного розыска таких кабинетов больше не было ни у кого. Даже оперативно-розыскные группы, состоявшие из 6–10 оперативников и работавшие на первом этаже, занимали помещения чуть меньшей площади. В остальном это был стандартный кабинет советской номенклатуры: обшитая шпоном и покрытая лаком мебель и такие же стеновые панели. Громадный письменный стол и приставленный к нему торцом длинный стол для совещаний. Стулья, кресла, шкафы, секретер и плотные портьеры на окнах. Высокие напольные часы с боем и бордовые ковровые дорожки. Полдюжины телефонных аппаратов и настольная лампа под неизменным «малахитовым» абажуром. Письменный прибор с ручками, календарем, пепельницей, увеличительным стеклом и, конечно же, развешанные по стенам портреты Сталина, Бериин, Дзержинского. О насыщенном событиями прошлом старинного двухэтажного здания на Петровке напоминал лишь изразцовый печной бок, тускло блестящий посередине дальней стены.

Из-за размеров кабинета все звуки, будь то перестук маятника напольных часов, шаги или слова его хозяина, отражались от стен, от высокого потолка. Перемешиваясь меж собой, они создавали иллюзию нахождения в театре или под куполами церкви. И только стойкий запах табачного дыма возвращал посетителя сего кабинета в действительность.

- ...О полной победе над наркоманией говорить было рано. Она все равно существовала, но глаз обществу не мозолила. Жила тихонько в подворотнях, в притонах, - продолжал комиссар Урусов. - Однако в последние пару месяцев она напоминает о себе все громче и громче. Многие из вас наверняка слышали о случаях гибели москвичей от приема неизвестного наркотического препарата.

- Есть такое дело, - прогудел подполковник Лоскутов - грамотный, но невыносимо ворчливый ветеран угрозыска. - Третьего дня только выезжал с группой в заброшенный дом с тремя покойниками.

- На Чаплыгина?

- Так точно.

- Это последний случай - мне о нем докладывали. А всего за летние месяцы погибло более двадцати человек. Есть такое подозрение, что люди погибают от передозировки в неизвестном нам притоне. После чего содержатели этого притона попросту избавляются по ночам от тел, вывозя их на пустыри, в заброшенные дома или в ближайšie к городу лесополосы...

Далее Александр Михайлович рассказал об обеспокоенности Московской партийной организации и руководства НКВД появлением нового наркотика. Следовало срочно принимать меры.

- Пока мы ничего не знаем о новом наркотике. Ни каналов его поставок в страну, ни химического состава, ни способа воздействия на человеческий организм, - сказал он в заключение. - Те, кого удавалось задержать, - несчастные люди, наркоманы. Никто из них ни сном ни духом не ведает о происхождении препарата и о том, как он попадает в Москву.

- А лаборатория, Александр Михайлович? - снова подал голос Лоскутов. - Медики из нашей лаборатории что говорят?

- К сожалению, взять препарат в чистом виде еще никому из наших сотрудников не удавалось, поэтому медики работают с анализами крови и мочи: исследуют, пытаются выделить вещества, установить исходные формулы, но... - развел Урусов руками, - пока ничего. По той же причине, вероятно, происходят смертельные случаи. Покупатели этой гадости не знают состава и портачат с

дозировкой. Вот и натываемся на трупы в самых неожиданных местах...

Помимо обеспокоенности высокого начальства появлением нового наркотика имелась еще одна причина созыва внепланового совещания. Вчера Александр Михайлович лично присутствовал на похоронах сына старинного друга семьи. Друга – здоровяка-красавца, участника войны, полковника запаса – смерть сына буквально подкосила. Он был не похож на себя и на похоронах едва стоял на ногах, женщина-врач совала ему в руки какие-то таблетки. Еще полгода назад сын числился лучшим учеником выпускного класса средней школы. Хорошо сдал экзамены, поступил в МГУ. И вдруг появились какие-то сомнительные знакомые, секреты от родителей, нездоровый интерес к деньгам, нервозность, раздражительность.

Родители отнесли эти изменения в поведении на счет переходного возраста. И напрасно. Потому что когда прояснилось, в чем дело, было уже поздно.

Глава третья

Москва, Химкинское водохранилище, водная станция «Динамо»

19 августа 1945 года

Легкий ветерок трепал огромный плакат, растянутый на деревянном каркасе над высокой бетонной трибуной. По обе стороны от трибуны висели репродукторы, оглашавшие округу песней «Марш авиаторов». Плакат был самый обычный для военного и послевоенного времени. На фоне красного знамени стоял советский солдат в шинели и с винтовкой. Левой ладонью он поглаживал золотистые волосы маленькой улыбающейся девочки, сложившей из кубиков фразу «За мир». Внизу большими красными буквами было написано: «Расти спокойно!».

Прямоугольный каркас плаката загораживал часть трибуны от утреннего солнца, и под ним комфортно устроились два парня. Одеты они были по блатной моде, родившейся задолго до войны: кепки-малокозырки, под вызывающе расстегнутыми воротниками рубаш – тельняшки; широченные темные брюки.

Помимо одежды имелись и другие кричащие атрибуты блатных: татуировки, газетные кульки с калеными семечками и, конечно же, фиксы из золотых червонцев товарища Сокольникова[5 - Сокольников Григорий Яковлевич – революционер, участник Гражданской войны, советский государственный деятель, нарком финансов РСФСР. Был одним из инициаторов введения в обращение твердой валюты – советского «червонца»]. От уголовников двадцатых или тридцатых годов парней отличала обувь. Вместо скомканных «в гармошку» хромовых сапог на ногах у них были кожаные ботинки. Парни лузгали семечки, плюя шелуху на нижние ступени трибуны, и внимательно наблюдали за происходящим действием в районе вышек для прыжков в воду.

– Вон, зырь, шкет с левой сигать собирается, – гоготнул темноволосый с узким смуглым лицом. Ему было лет двадцать, внешностью он напоминал болезненного ребенка, выросшего у одинокой, сильно пьющей мамыши.

– Да на кой он сдался! – лениво отозвался другой – рыжий белокожий крепыш пониже ростом. – Малой он еще...

В этот солнечный и жаркий воскресный день на Химкинское водохранилище приехало отдохнуть множество москвичей. Расположенная здесь водная станция «Динамо» была построена в 1935 году и до войны пользовалась у населения огромной популярностью. В выходные дни летних месяцев сюда приезжали тысячи горожан – отдохнуть или посмотреть на соревнования, на организованные водно-спортивные праздники. Во время войны станция не пострадала, но поизносившиеся конструкции требовали хотя бы косметического ремонта. Кое-где потрескался бетон, со стен зданий и трибун осыпалась штукатурка, на металлических перилах и деревянных сиденьях выгорела и облупилась краска. На внутренней штукатурке левого парапета, ближе к которому сидели блатные, было крупно нацарапано ножом: «Нинка – кудрявая шлюха».

На фоне начинавшегося увядания только плакат с солдатом и ребенком выделялся свежестью, новизной.

– Малой – слабак, – согласился темноволосый. – Прыгнул солдатиком и сразу вынырнул.

– А я что говорил? Ты лучше на правую глянь, – указал рыжий на правое крыло высокой вышки. Рыжий был посолиднее и постарше лет на пять-шесть. И в свои двадцать пять он уже напоминал сварливого и много повидавшего старичка. Он вырос либо в большой рабочей семье, либо в одной из деревенок дальнего Подмоскovie. И в том и в другом случае обстоятельства заставляли его вертеться в этой жизни как угорь на сковородке и усиленно работать локтями, чтобы заработать себе место под солнцем. По-другому выжить и встать на ноги не получалось.

Перед высокими двухъярусными трибунами играла солнечной рябью поверхность прямоугольной акватории для водного поло. Иногда на акватории проводились состязания по плаванию, и тогда вместо ворот на ее поверхности появлялись водные дорожки, обозначенные натянутыми канатами с красно-белыми поплавками.

За акваторией распростерла крылья огромная чайка, крепко стоящая на бетонном основании в виде квадратного островка. Изогнутые крылья чайки служили вышками для прыжков в воду. Внизу, на высоте трех метров, имелись первые площадки для тренировочных прыжков. Следующая отметка находилась на высоте пяти метров. И венчали конструкцию две площадки на оконечности крыльев. С высоты десяти метров отваживались прыгать немногие. Да и те в большинстве своем летели вниз «солдатиком».

– Фуфлыга[б - Фуфлыга – невзрачный маленький мужичок.] и пентюх, – коротко охарактеризовал прыгуна темноволосый.

– Нам какое дело до его задницы и пуза?! – возразил рыжий крепыш. – Лишь бы умел нырять.

– Ладно, поглядим...

Оба замолчали, наблюдая за приготовлениями мужчины.

Взобравшись по ступеням до самого верха, тот опасливо подошел к краю вышки и, смешно вытянув шею, глянул вниз. Снизу вышка не казалась слишком уж высокой, зато находясь на ее краю, расстояние до воды вселяло ужас. Всякий новичок невольно представлял, что, сделав шаг с площадки, он уже ничего не сможет изменить в своем движении вниз. Будет только захватывающий дух

полет с неизменным финишем – сильным ударом о поверхность воды.

Ухватившись левой ладонью за ограждение, правой пятерней мужик размашисто почесал волосатое пузо, помедлил... Он отлично понимал, что в эти томительные секунды к его нескладной фигуре приклеилось не меньше сотни любопытных взглядов. Прыгать было страшно, но еще страшнее и позорнее стало бы отступление. И он решился. Прижав руки к телу, разбежался в два шага и прыгнул.

– Вот боров! Нагнал волну! – громким смехом оценили блатные суматошный полет и неудачный вход мужчины в воду, сопровождавшийся оглушительным шлепком с феерическим фонтаном брызг.

Мужик меж тем сразу вынырнул, мотнул головой и, довольный своим героическим поступком, неспешно поплыл к трапу бетонного основания.

– Не локшит[7 - Не локшить – не уметь что-нибудь делать.], – отмахнулся рыжий.

Солнце обогнуло плакат и стало припекать голову, плечи. Семечки закончились, жутко хотелось пить.

Рыжий дотянулся до стоявшей в тени бутылки вина, откупорил, хлебнул и протянул корешу:

– Охлонись, Хряпа.

Темноволосый, звали которого Харитон, приложился к горлышку и запрокинул голову. Вино внутри темно-зеленой бутылки запузырилось.

Полегчало. На душе стало веселее. Дружки закурили. А тут и стоящее зрелище подоспело.

– Глади, как вошел, а?! – аж присвистнул от удивления рыжий.

Только что прыгнувший с десятиметровой вышки рослый светловолосый паренек крутанул в воздухе сальто и, почти не потревожив игравшую золотом поверхность воды, строго вертикально вонзился в нее.

– Шикарно! – согласился Хряпа. И принялся считать секунды: – Десять. Двадцать. Тридцать...

Голова блондина появилась на поверхности на исходе минуты.

– Маловато, – разочарованно протянул Шатун – так называли дружки рыжеволосого Кольку Шаталова.

– Поглядим?

– Ну а чего ж еще остается? Поглядим...

Так вышло, что в предыдущие дни глядеть было совсем не на кого. Все, кто отваживался нырять с пяти- или десятиметровой высоты, тут же выскакивали из воды, словно легковесные пробковые болванчики. А это сидевших на трибуне двух корешков никак не устраивало. Сегодня среди серой массы едва умевших плавать обозначился один незаурядный тип – светловолосый паренек в синих плавательных трусах. Он не спешил показываться на поверхности и после каждого прыжка задерживался под водой до полутора, а то и до двух минут.

Парнишка провел в воде и на вышке более получаса и закончил тренировку эффектным прыжком с обратным сальто.

– Где же он? – заволновался Хряпа. – Две минуты прошло, а его все нет!

Оба от удивления аж привстали со ступеньки. Кандидатура белобрысого спортсмена подходила на все сто, и потерять его было бы самым последним делом.

– Да вот же он! – воскликнул Шатун, показывая на ближний трап.

Проплыв под водой метров шестьдесят, светловолосый пловец вынырнул у ближнего бетонного парапета и спокойно поднимался по трапу к нижним рядам трибуны, где, вероятно, оставил одежду.

– Шатун, это ж другой коленкор! Это же просто шикарно и меняет дело, – бормотал Хряпа, стараясь не упустить из вида талантливого паренька.

Шустро прикончив остатки вина, дружки засобирались и потопали по ступенькам вниз...

Шатун навскидку давал блондину лет восемнадцать-девятнадцать. Тот был высок ростом, широк в плечах. Рельефная мускулатура спины, груди и рук выдавала в нем неплохого спортсмена-пловца. Высушив тело полотенцем и переодевшись, парнишка закинул на плечо сумку с надписью «Динамо» и легкой пружинистой походкой направился к выходу из комплекса. Хряпа с Шатуном устремились следом.

Солнце перевалило зенит. Выходной день был в разгаре, однако некоторые отдыхающие потянулись к выходу.

Покинув водную станцию и оказавшись на Ленинградском шоссе, спортсмен повернул к автобусной остановке. Держась на дистанции, блатные повторили маневр и тоже принялись ждать автобус.

Первый «тарантас», как москвичи называли старенькие автобусы «ЗИС-8», тяжело раскачиваясь, подъехал к остановке минут через десять. Его пришлось пропустить – он был битком набит пассажирами, возвращавшимися в город. Спортсмен подхватил было сумку, да, поглядев в тесное нутро автобуса, вернулся на место. Не стали дергаться и его «проводящие».

Следующий «тарантас» лихо подкатил через пару минут, и народу в нем было немного. Пропустив вперед пожилую женщину с внуком, блондин легко поднялся по ступенькам, прошел в салон. Блатные просочились в автобус последними.

В сдвинутые окна врвался разогретый асфальтом воздух, и под фанерной крышей автобуса было невыносимо душно. Мужчины расстегивали рубахи, женщины неистово обмахивали себя ладошками и платками.

Блатные обосновались недалеко от выхода и незаметно поглядывали на спортсмена. Тот присел на свободное место в середине салона, водрузил на колени объемную сумку и выходить пока не собирался.

Расположившись неподалеку от блондина, Шатун и Хряпа впервые детально рассмотрели его внешность и лицо. Годик от первоначальной цифры сразу пришлось скинуть – восемнадцать лет, не больше. Кожа лица гладкая, чистая. Под копной еще влажных светлых волос чернели густые брови. Нос прямой и тонкий. Под немного припухлыми губами выдавался волевой подбородок. Щеки спортсмена еще не знали бритвы – кое-где, и в особенности на скулах, пробивалась молодая светлая растительность.

«Гляди», – вдруг показал Хряпа загоревшимся взглядом на стоящую рядом бабку. Та приготовилась выйти на ближайшей остановке; на руке ее висела раздутая хозяйственная сумка, из которой торчал уголок кошелька.

Предложение не нашло поддержки. Более того, Шатун изобразил злобную гримасу, показал кулак и кивнул в сторону спортсмена: «Вон туда гляди! И давай сегодня без твоих штучек!»

Глава четвертая

Москва, больница на Кузнецком Мосту – Ленинградский вокзал

16-19 августа 1945 года

Происшествие в здании Ленинградского вокзала с последующей погоней и стрельбой в Грохольском переулке крайне обеспокоило руководство рабоче-крестьянской милиции и Московского уголовного розыска. Тому имелось две веских причины. Во-первых, один сотрудник милиции, не приходя в сознание, скончался от пулевых ранений, а другой – с пробитой головой и сотрясением мозга – все еще находился в больнице. Во-вторых, всем было очевидно, что подозрительный тип, на которого обратил внимание милицейский патруль, не являлся простым прибалтненным шалопаем. Он откуда-то приехал поездом на Ленинградский вокзал, имел при себе саквояж и оружие. Стал нервничать и оказал сопротивление при проверке документов, пытался скрыться, а когда понял, что его обнаружили, без раздумий открыл огонь.

– Мы просто обязаны оказать посильную помощь милиции в розыске этого враждебного советскому народу элемента, – решительно заявил Урусов и приказал группе Ивана Старцева «обмозговать план помощи и представить его для оценки и утверждения».

Костя Ким с простреленной подключичной мышцей долечивался в госпитале. Ранение, слава богу, оказалось легким; пулю хирургии достали, рану зашили. Крови он потерял прилично, но тут расторопным оказался дед, коего он, теряя сознание, принял за писателя Льва Толстого. Смекнув, в чем дело, дедок накрепко замотал ключицу Кости тряпками и побежал звонить в неотложку. Тем и спас молодого лейтенанта.

Уже на третий день оперативники добились у врачей разрешения навестить молодого коллегу в больничной палате. Уплетая принесенные фрукты, Костя вспоминал тринадцатое августа и рассказывал о каждой минуте пребывания на Ленинградском вокзале.

– ...Потом стою у газетного киоска, покупаю «Комсомолку». Вдруг слышу крики, возня, потасовка у входа в вокзал...

– Костя, о начале этой истории мы слышаны от сотрудников милиции и гражданских свидетелей, – сказал Старцев, подавая больному большую грушу. – Ты нам лучше о погоне и стрельбе поведай. Ведь об этой части происшествия знаешь только ты.

Дожевав яблоко, Константин принялся за сладкую грушу.

– Выскочил из толпы, что образовалась при входе в вокзал, заметил сотрудника милиции в белой тужурке и припустил за ним, – проговорил он с набитым ртом. – Догнал в начале Каланчевской; он уже, бедолага, выдыхался. На ходу представился, предложил помощь...

Через распахнутые рамы окон в чистую, светлую палату долетали звуки из внутреннего двора больницы: шорох листвы высоких берез, пение птиц, скрип колес каталок и зычный голос сестры-хозяйки, недосчитавшейся какого-то ведра. Из палаты не было видно оживленных московских улиц, да и шум автомобилей сюда не доносился. Потому создавалось впечатление, будто не больничка это, а санаторий и находится он не в центре огромной столицы, а

далеко за городом на краю березовой рощи.

– ...Значит, Большая Спасская преступника не заинтересовала? – переспросил Егоров.

Рот был снова занят, и Костя помотал головой.

– Побежал прямо до Грохольского?

– Угу.

– А с Грохольского шмыгнул во Второй Коптельский?

– Точно, – молодой лейтенант наконец прожевал грушу. – Нырнул туда и метрах в пятидесяти затаился за кустами сирени.

– А почему дальше не побежал, как считаешь?

– Устал. Милиционер тоже еле дышал и дальше бежать не мог. Даже у меня дыхание сбилось, хоть я и не курю.

– Убедительно, – кивнул Васильков, достал блокнот и попросил: – Набросай-ка нам, братец, его портрет. И как можно подробнее.

Вытирая казенным полотенцем сладкий сок с ладоней, Костя принялся описывать внешность стрекулиста с саквояжем. Нескладная фигура получила самую обширную и подробную характеристику. А вот лица преступника он вблизи не видел, поэтому обошелся лишь общими фразами: «Волосы темные средней длины, лицо вытянутое с большим носом, уши немного оттопыренные, голова яйцообразная на тонкой и длинной шее...»

Получив полную информацию из первых рук, оперативники вернулись в управление. Васильков с записанным словесным портретом преступника сразу отправился к штатному художнику – Карпову Науму Лазаревичу, кабинет которого находился в дальнем закутке первого этажа, по соседству с технической экспертизой. Карпов около часа пыхтел папиросами над блокнотом и листами ватмана, покуда не выдал три портретных рисунка.

– Держи, Александр Иванович, – пробасил он. – Соблюдены все пункты описания. Должен быть похож.

Поблагодарив художника, Александр вернулся в рабочий кабинет. Показав коллегам работы Карпова, он передал их фотографу Горшене. И еще через два часа в распоряжении оперативников оказались полтора десятка фотографий карманного размера.

Остаток дня сотрудники оперативно-розыскной группы просидели в кабинете, ломая головы над планом дальнейших действий.

Первым делом они составили список поездов, прибывших на Ленинградский вокзал или отправлявшихся с него в районе полудня тринадцатого августа. Список вышел коротким – всего-то два пассажирских поезда. Один состав отходил в Ленинград, другой через несколько минут прибыл из Великого Новгорода.

– Я так думаю, братцы-товарищи, что этот тип мог провожать кого-то в ленинградском направлении. А мог и приехать в Москву на новгородском поезде, – предположил Старцев, расхаживая по рабочему кабинету и постукивая тростью по паркету. – Одно из двух, и третьего, как говорится, не дано.

– Согласен, – отозвался Егоров.

– А вариант случайного пребывания на вокзале? – засомневался Бойко.

– В каком смысле случайного? – не понял Иван Харитонович. – Это ж не проходной двор – в одну калитку зашел, в другую вышел.

– Нет, я не об этом. Он же мог, проходя мимо по Комсомольской площади, забежать в вокзал с целью посещения общественного туалета. Или, скажем, буфета – чаю выпить, папирос или спичек прикупить.

– Такой поворот, конечно, не исключен, – поскреб затылок Старцев, – но брать его за основу для дальнейшей работы мы не будем. Потому как он ставит жирный крест на возможности снова повстречать этого гада...

После длительного обсуждения решили, что со следующего дня как минимум две пары оперативников будут регулярно дежурить на территории Ленинградского вокзала во время прибытия поезда из Великого Новгорода или перед отправкой пассажирского эшелона в город на Неве.

Утром сотрудники МУРа встретились на Комсомольской площади. За коротким перекуром обсудили последние детали, разошлись и заняли позиции. Делая вид, будто читают прессу или коротают время за непринужденной беседой, они осторожно всматривались в молодых мужчин, сопоставляя их внешность со словесным портретом преступника.

Но, увы, описанный Константином «стрекулист» на вокзале не появлялся. Шли томительные часы, менялись даты на отрывных календарях, а результата не было.

Через шесть дней после происшествия на Ленинградском вокзале Костя Ким появился в управлении с подвязанной правой рукой. Выглядел он молодцом – отдохнул, выспался, а немного округлившиеся щеки отливали легким здоровым румянцем.

– Выписали, товарищ майор, – протянул он Старцеву выданную справку о пройденном курсе лечения. – Готов приступить к исполнению обязанностей.

– Готов, говоришь? – одобрительно осмотрел Иван подчиненного. – А стрелять, если что, левой рукой сможешь?

– Я одинаково хорошо стреляю с обеих рук.

– Ну, здравствуй, брат-товарищ, – осторожно приобнял Костю Старцев. – Рад тебя видеть!

Тут подоспели и остальные. Кто-то пожимал Киму здоровую левую руку, кто-то обнимал, кто-то поздравлял с боевым крещением...

Потом коротко посоветовались, ввели Костю в курс дел и отправились на Ленинградский вокзал – аккурат к приходу новгородского поезда.

– Теперь мы его точно прихватим, – довольно потирая ладони, сказал Иван Харитонович. – Одно дело пытаться опознать преступника по словесному портрету – и совсем другое, когда с тобой воочию видевший его человек...

Битый час по вокзалу и его окрестностям прогуливались три пары оперативников: Бойко – Баранец, Егоров – Горшеня и Васильков – Ким. Один лишь Старцев сидел в служебной «эмке», так как его хромящая фигура с тросточкой была слишком яркой и запоминающейся. Это могло испортить задумку.

Костина рука на перевязи бросалась в глаза гораздо меньше. Повязку ему специально сделали из темной ткани, и вместе с Васильковым они не шастали взад-вперед, а спокойно сидели за столом вокзального буфета, попивая из стаканов чай и осторожно поглядывая вокруг.

Бойко с Баранцом дежурили возле касс. Здесь, как всегда, толпилось много народа, кто-то переругивался из-за места в очереди, кто-то громко разговаривал с кассиром, капризничали маленькие дети. Над каждой кассой висела новенькая красная табличка, на которой золотыми буквами было написано: «Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, кавалеры 3 орденов Славы, инвалиды Великой Отечественной войны обслуживаются вне очереди». Прикинувшись отставным офицером, Бойко торчал возле воинской кассы, его напарник листал один из старейших ежемесячных литературных журналов – «Новый мир»; в 1925 году его редактировал и правил первый нарком просвещения Анатолий Луначарский.

Последняя пара, Егоров – Горшеня, для виду прихватив из управления чемоданчик, точь-в-точь походила на ожидающих поезда пассажиров. Милиционеры прохаживались по одному из двух перронов, поглядывали на часы и делали вид, будто ожидают поезд.

– ...Семнадцатого августа состоялся только один матч, – объяснял напарнику ярый футбольный болельщик Горшеня. – Наше «Динамо» принимало минчан и победило 3:0.

– А вчера, я слышал, «Торпедо» играло?

– Да, торпедовцы разгромили «Крылья Советов» со счетом 4:0.

– Занятно, – посмеивался Егоров, который никогда футболом не интересовался. – А сегодня кто играет?

– «Локомотив» – «Динамо Ленинград». «Динамо Тбилиси» – «Спартак». И «Динамо Киев» – «Зенит».

Покурив возле урны и продолжая болтать о матчах седьмого чемпионата СССР, они возвращались под крышу длинного здания вокзала, делали круг и снова шли к перронам.

Проходя мимо буфета, Егоров каждый раз бросал вопросительный взгляд на Василькова. Тот в ответ незаметно качал головой: «Пока ничего. Ждем...»

Глава пятая

Москва, Ленинградское шоссе – Красноармейская улица

19 августа 1945 года

Бабка, смущавшая Хряпу торчавшим из хозяйственной сумки кошельком, с охами и причитаниями вывалилась из автобуса на остановке «Волоколамское шоссе». Волновавшийся по поводу легкой добычи Хряпа облегченно вздохнул: нет соблазна – нет проблемы.

Едва «тарантас» тронулся дальше, как засобирился и спортсмен. Подхватив объемный баул с надписью «Динамо», он встал, протиснулся мимо двух девчонок старшего школьного возраста и остановился возле передней двери.

– У парка сойдет, – шепнул Шатун.

Кореш согласился. Оба неплохо знали этот район, потому как в годы войны не раз здесь промышляли кражами, грабежами. С севера – примерно в трех кварталах от Ленинградского шоссе – район граничил с крупнейшей сортировочной станцией Московского железнодорожного узла. От станции

отходили несколько веток железной дороги, вокруг которых темнели длинные рукава многих десятков складских помещений. Станция усиленно охранялась военизированными подразделениями, но по ночам в ненастную погоду корешам удавалось незаметно проникать за ограждение и, выбрав стоящие на отшибе товарные вагоны, вскрывать и проверять их пахнущее опилками нутро. Чего только не вытаскивали из тех вагонов! От мешков с мукой и ящичков с консервами до монгольских полушубков и новеньких хромовых сапог. После каждого удачного дельца месяц жили как фон-бароны! Наворованное имущество легко меняли у барыг[8 - Барыга – скупщик и торговец краденым.] на водку, хорошие продукты, папиросы или просто загоняли им за хорошие бабки.

Девчонки проводили спортсмена восхищенными взглядами, а от шедших следом блатных демонстративно отвернулись. Одна даже наградила их презрительным «фи».

– Стой и не фырчи, ветрогонка![9 - Ветрогонка – вздорная баба.] – прошипел ей на ухо Хряпа. – А то мигом косы перышком подрежу!

Поведя плечиком, девица гордо промолчала.

– Остановка «Детский парк», – объявил водитель и тормознул возле фонарного столба с табличкой.

Недалеко от остановки шелестел прохладными струями фонтан. За ним высилась деревянная арка главного входа в парк с кассами по обе стороны от него. За аркой виднелась читальня, большой звуковой кинотеатр, буфет для детей, танцевальная площадка и островки высоких сосен. В тридцатые годы сосен было гораздо больше – не пяток островков, а цельная и приличная по размерам роща. Однако во время войны деревья частично вырубали на дрова.

Спортсмен первым прыгнул с подножки автобуса на разогретый солнцем асфальт, закинул на плечо сумку и, насвистывая какую-то разудалую песенку, зашагал к ближайшему пешеходному переходу. Блатные покинули автобус последними. Оба не торопились. Зачем выдавать себя спешкой?

Надрывно гудя стареньким мотором, «ЗИС» покатил дальше по Ленинградскому шоссе. Хряпа достал папиросы, угостил кореша. Закурили, поглядывая на удаляющуюся фигуру спортсмена-пловца. Когда тот быстрым шагом пересек

шоссе, неторопливо пошли следом.

От противоположной стороны шоссе начиналось множество мелких переулков: Исаевский, Голопановский, Гуськовский, Изоляторный... В один из них молодой спортсмен и свернул.

– Значит, проживает где-то здесь, – ускоряя шаг, сказал Шатун.

– Шикарно, – отозвался Хряпа. – Не придется долго рассусоливать...

Нырнув в тот же переулок, они заметили вдали широкие плечи спортсмена. Он все той же размашистой походкой вышагивал в сторону знакомой сортировочной станции.

Да, здесь многие детали напоминали о похождениях темными ночами военного лихолетья. Вот заросший камышом и осокой овражек по обеим сторонам переулка, через который не раз хаживали по глубокому снегу. Слева виднеются облезлые кирпичные стены старой мукомольни. Чуть дальше справа торчит фонарный столб, фонарь на котором никогда не горел. А прямо перед столбом чернеет остов сгоревшего дома-пятистенка. Его правая стена с крыльцом и сенями сильно пострадала и рухнула, оголив страшное прокопченное нутро. Фасад устоял, но изрядно потемнел от огня и сажи. Что случилось холодной зимней ночью сорок четвертого года, блатные не ведали. Дала ли трещину печная кладка, разлился ли из лампы керосин, уснул ли с тлевшей папироской пьяный хозяин... Они даже не знали про семью, обитавшую в этом доме, – погибла она в задымленном пекле или спаслась, поутру куда-то съехав и навсегда бросив участок с останками обугленного строения. Да и не было им до семьи никакого интереса. Они использовали черный остов как приметный ориентир, говоря промеж собой: «Коль добежали с кушем от станционного забора до угольков – почитай, провернули дело...»

До забора сортировочной станции, однако, не дошли. Промаршировав по Амбулаторному переулку, спортсмен свернул вправо на широкую Красноармейскую улицу.

Блатных такой фокус не устраивал. Улица была полна народу, и обстряпать задуманное дело здесь было затруднительно.

- Авось еще куда нырнет, - успокоил приятеля Шатун.

И парнишка действительно повернул влево, в Отцовский проезд, тянувшийся аж до самой железной дороги.

- Шикарное местечко! - воскликнул Хряпа. - Помнишь, как мы тут...

- Ша! - оборвал старший кореш. - Догоняем и сажаем на сквозняк![10 - Посадить на сквозняк - напасть на жертву с разных сторон.]

Задумка была неплохой. Возможно, все у молодых бандитов и получилось бы, коли не одно «но». Спортсмен заметил за собой слежку еще до того, как сел в автобус. Топая от остановки до Красноармейской, он пару раз ненароком оборачивался и снова замечал приклеившихся блатных наглецов. Посему, повернув в узкий безлюдный переулок, он остановился, сбросил с плеча тяжелую сумку, прижался спиной к стене и стал поджидать незадачливых охотников, внезапно превратившихся в дичь.

Первым из-за угла появился Шатун и в тот же миг нарвался на боковой удар в челюсть. Он явно был не готов к такому повороту событий и, не успев ничего понять, кувыркнулся с ног.

Тощий Хряпа оказался проворнее. Увидав улетевшего в траву рыжего дружка, он отпрыгнул в сторону и сгруппировался. Прямо на него из-за угла грозно надвигался светловолосый спортсмен. От его мирной беспечности не осталось и следа: черные брови сурово сошлись над переносицей, спортивная сумка валялась в пыли, ноги были подпружинены, а сжатые кулачищи готовы к бою.

Несмотря на невыдающееся телосложение, Хряпа тоже неплохо дрался и бежать с поля боя, бросив дружка, не собирался. Наклонив вперед башку, он кинулся на спортсмена и заорал:

- Ты на кого, окаём[11 - Окаём - отморозок.], жало точишь?!

Сошлись недалеко от валявшейся сумки; град ударов посыпался с обеих сторон. Спортсмен крепко стоял на ногах, от вражьих кулаков не уходил и старался обоими кулаками бить прицельно. Хряпа действовал иначе: согнувшись пополам,

он раскачивал туловищем, усложняя задачу противнику; при этом размахивал длинными руками и наносил удары куда попало. Как ни странно, половина ударов достигала цели.

Сложно сказать, кому досталась бы победа в этом странном и отчаянном противостоянии, если бы к месту драки не подтянулся пришедший в себя Шатун.

– А ну замер, акробат![12 - Акробат – пассивный гомосексуалист.] – неожиданно вырос он позади спортсмена и приставил к его шее лезвие ножа.

Тот остановился, на раскрасневшемся лице появилась едкая ухмылка – дескать, слабо, бакланы[13 - Баклан – хулиган, неопытный вор, мелкий спекулянт.] позорные, один на один и без перьев?..

Тяжело дыша, прекратил загребать веслами-ручищами и Хряпа.

– Слышь, долото![14 - Долото – отчаянный, шустрый подросток.] Тебя мама с папой вежливости учили?! Ты че бычишься, когда с тобой поздороваться хотят?! – наседал Шатун.

– Ты моих родителей не трожь, босяк! – дерзил в ответ спортсмен.

Парни бросили друг другу еще парочку не самых приветливых фраз, но тут в соседних дворах зашлись громким лаем собаки.

– Отойдем, – Колька Шаталов спрятал нож, – дело есть на сто червонцев...

В поисках спокойного местечка отдышались, успокоились. Все страсти сами собой улеглись.

– Анатолием, значит, зовут? Меня Шатуном кличут. А его – Хряпой. Ну, держи краба, и будем знакомы, – протянул блатной ладонь.

Спортсмен пожал ее, однако по выражению лица было понятно, что замешательство еще не покинуло его душу. «Кто вы и за каким чертом мне сдалось это знакомство?» – читалось в недоуменном взгляде парня. Тем не менее копать себе могилу лишними вопросами он не стал.

Троица прошла чуть дальше по Отцовскому проезду и остановилась под высокой березой. Лишних ушей поблизости не было. Хряпа вынул из кармана папиросы и предложил Анатолию.

- Не курю, - качнул тот головой. - Я не располагаю временем. Говорите, зачем позвали.

- Понимаешь, Толя, поглядели мы тут, как ты сигаешь с вышки, как козырно плаваешь под водой, - перешел к делу Шатун, - и поняли, что ты тот, кто нам нужен.

Не догадываясь, к чему клонят блатные, тот развел руками:

- Зачем я вам нужен?!

- Работенка для тебя имеется - не пыльная, но денежная. Поможешь?

- Ну, если денежная - готов выслушать.

- В озерцо одно надобно понырять с лодочки.

- В озерцо? А зачем?

- Достать кое-что. На дне лежат наши вещички. Много вещичек. А сами достать не можем - нет среди нас таких пловцов, как ты.

- Глубоко там?

- А хрен его знает. Наверное, метров десять-двенадцать. При этом жить будешь на берегу как у Христа за пазухой - сытно кушать, сладко пить, спать на мягком.

- Чего ж требуется достать-то? Какие вещички?

- Это тебе скажут на месте, ежели дашь согласие.

– А если не соглашусь?

– Баламошкой[15 - Баламошка – полоумный, дурачок.] будешь! – встрял прямолинейный Хряпа. – Там шикарная работенка, и всего на неделю-полторы! А монет получишь столько, сколько за год на фабрике не набатрачишь!

Никто толком не ведал, какой объем работы ожидает на месте нового пловца. Может, дней на семь. А может, и на весь оставшийся до холодов месяц. Однако тот, кто послал искать и вербовать пловца, приказал не пугать его длительными сроками так называемой командировки. «Скажите, дней на десять, а дальше разберемся, – посоветовал он. – Получит на карман хорошие бабки, а там, глядишь, и аппетит разгуляется».

– Больше чем за год на фабрике?.. – присвистнув, удивленно переспросил Анатолий.

Кореша незаметно переглянулись. Кажется, предложение нового знакомца заинтересовало.

– Я могу подумать? – поправил спортсмен висящую на плече сумку.

– Подумай, не запрещается, – пожал плечами Хряпа.

– Только недолго, – добавил Шатун. – Дело-то у нас срочное. Заартачишься – найдем другого.

– Завтра же дам ответ.

– Тогда встречаемся завтра под этой березой в три часа после полудня. Идет?

– Договорились...

Глава шестая

Москва, Грохольский переулок, дом № 29

20 августа 1945 года

Старый купеческий дом под номером 29 стоял в глубине квартала и смотрел в Грохольский переулок единственным глазом маленького стрельчатого оконца. Наверное, потому дом и получил адрес по Грохольскому, что к другим улочкам касательства не имел. К двери парадного вела от переулка мощеная дорожка, позволявшая не запачкать ног в самую слякотную погоду. Над крыльцом нависал козырек на ржавых цепях. С правого боку от крыльца стояла каменная урна, никем не вычищавшаяся со времен Александра Керенского. Входная дверь была надежной и невероятно тяжелой.

Дом имел форму буквы «Г» и состоял из одного этажа. До революции его целиком занимала семья купца 2-й гильдии Ивана Досужева. После революции купец с семейством бежал то ли в Швецию, то ли в Грецию, а дом заселили тремя семьями местных железнодорожников. Каждой семье досталось по две комнаты; общими стали кухня с примыкавшей столовой, уборная, большая кладовая и одна из четырех голландских печей. Эту печь топили, чтобы обогреть лютыми зимами коридор, столовую и ванную комнату. Да, ванная комната тоже имелась, правда, саму ванну с бронзовыми кранами младший купеческий отпрыск успел выгодно продать до отъезда из страны. Поэтому помещение использовалось для хранения дров и сушки белья.

Жили дружно и готовы были поделиться последним. За занавеской на кухне сообща установили большую чугунную раковину, в ней и мылись. Спешивших к плите частенько предупреждал чей-то голос: «Здесь занято, я моюсь». По субботам отправлялись мыться по-настоящему в большие бани, располагавшиеся в Безбожном за Ботаническим садом. И каждый поход в бани был сравним с церемониалом выхода в свет.

Мир и спокойствие в бывшем купеческом доме сохранялись, покуда в одной из семей не приказал долго жить потомственный рабочий паровозного депо. Через десять дней после торжественных пролетарских похорон вдова погрузила нажитое добро в телегу, взяла в охапку трех малых детишек и съехала в деревню к престарелой мамаше, ибо жить в большом городе стало не на что. А две освободившиеся комнаты неожиданно занял мутный тип с татуировками, блатным жаргоном и отвратительной манерой плевать на пол везде, где появлялся.

Звали типа Лёва Северный.

Лёвка родился незадолго до начала двадцатого века в подмосковной Балашихе. Изрядно выпивавший папаша трудился кочегаром в Товариществе на паях «Балашихинская мануфактура», мамаша присматривала за инвалидами в местной богадельне. Благодаря руководству честного и дотошного английского инженера Майкла Лунна фабрика по производству пряжи развивалась; росла вокруг и Балашиха. Лёвка окончил школу, поступил в рабочее училище – других путевок во взрослую жизнь у местных мальчишек попросту не было.

Однако фабричный труд молодого Лёвку не привлекал. К тому же после смерти англичанина Лунна дела на фабрике шли туго, а в 1907 году из-за прогоревшего котла и вовсе случился пожар, спаливший основной каменный корпус и несколько вспомогательных строений. Воспользовавшись временной неразберихой, Лёвка упросил родителей отпустить его пожить у бабки в Гольянове. Те согласились, и подросток, прихватив узелок, пешком отправился в соседнее село.

От Гольянова до Москвы – полчаса ленивым гужевым обозом. Тамошнему крестьянину съездить продать излишки на столичный базар – что сходить в церковь на воскресную службу. Повадился помогать соседям в таких поездках и Лёвка. На здоровье, сноровку и смекалку он не жаловался, когда того требовало дело, мог батрачить до шестнадцати часов кряду. В общем, пришелся ко двору и в столицу его брали регулярно. Где повозку посторожить и за лошадьми приглядеть, где погрузить-разгрузить, где запасы пополнить иль разноухать по нужному товару.

В тех поездках Северный понемногу сошелся с пацанами-ровесниками, обитавшими вокруг больших базаров. А кто прибывался к шумной разномастной толпе и к богатым прилавкам? Шантрапа, беспризорники, воришки. Нормальные подростки оставались при родителях, при школах, при гимназиях. Потому со временем Лёвка и обзавелся соответствующими друзьями.

Нынче для своих лет Лёва Северный выглядел неплохо, хотя некие малозаметные детали портрета конкретно указывали на подорванное здоровье. В молодости он был широкоплечим и статным, к началу войны отрастил живот и стал страдать одышкой. Бурое лицо имело синюшный оттенок, который неплохо маскировала двухнедельная щетина. Волосы на голове стали редкими, брови

еще не обрели безобразную косматость, но навсегда утратили соболиный блеск. С некоторых пор Лёва ходил медленно и осторожно, словно боясь оступиться или не желая сделать лишнее движение.

Почесывая мохнатое пузо, выступавшее меж расстегнутой рубахи, Лёва по-хозяйски разгуливал по большому купеческому дому. Вначале он постоял на кухне, оглядывая новые решетки на высоких окнах. При купце Досужеве никаких решеток на окнах не было; появились они лишь к середине восемнадцатого года, когда в Москве расплодилось полчища беспризорников и воришек всех мастей. Но те решетки Лёве не понравились, стоило ему хорошенько познакомиться с домом. Уж кто-кто, а он-то в замках и решетках разбирался. Эти были хлипкие, старые и насквозь проржавевшие, дерни – и развалятся. И вот теперь, после окончания войны, он наконец заказал у знакомого мастерового надежные из кованого металла.

Оглядев свободный угол, где раньше за занавеской стояла чугунная раковина для мытья, Лёва довольно крикнул и отправился в путешествие по длинному Г-образному коридору. В ближней к кухне комнате на кушетке сидели две трогательные старушки лет под восемьдесят. Напрягая слабый слух и дрожащие голосовые связки, они вспоминали довоенную молодость. «Довоенное время» в их летоисчислении пролетело лихой тройкой аж до 1914 года.

В следующей комнате пахло старостью и лекарствами. Бегло осмотрев ее, Лёва не стал заходить, а, плюнув на пол, поскорее прикрыл дверь. Сделав еще несколько шагов по коридору, он столкнулся со спешившим в уборную Белугой – так кореша называли Адама Бернштейна, выходца из северо-западного пригорода Одессы.

– Гости в сборе, Лёва, – шепнул он на ухо.

– Сколько их сегодня?

– Пятеро. Сейчас схожу до ветра и буду готов поскучать на шухере.

По национальности Адам Аронович Бернштейн был евреем, по характеру и сущности – застенчивым мерзавцем. Он приехал из Одессы в Москву в переполненном общем вагоне в начале двадцатых. Из теплой Одессы он привез овечий тулуп без рукавов, а из вещей – альбом с фотокарточками

многочисленных родственников и огромный блестящий «кольт», выпущенный в 1890 году в Северо-Американских Штатах. Одесситу несказанно повезло – в первый же день пребывания в Москве он повстречал на базаре Лёву и очень быстро с ним сошелся на почве криминала. Лёва на тот жизненный момент нуждался во внимательном и грамотном помощнике, умевшем считать деньги, экономить, заниматься хозяйством и... красть ровно столько, сколько было нужно, а не с запасом на черный день. К тому же в грабежах и налетах полноватый, физически неразвитый Адам не преуспел, а в его грозном револьвере обнаружилось отсутствие важной детали, из-за чего он устрашающе хрустел механизмом, но не стрелял.

– Groши уплачены? – спросил на всякий случай Лёва, хотя и знал, что по-другому быть не может.

Вместо ответа Белуга театрально оттопырил брючный карман, в глубине которого виднелась стопка советских купюр.

– Лады, ждем Авиатора. Он опять где-то баллон катает[16 - Катить баллон – задерживаться.].

Белуга округлил глаза.

– Шо, думаешь, легавые крутиловку[17 - Крутиловка – облава.] на байдане[18 - Байдан – вокзал.] строят?!

– Не-е, Авиатор – осторожный малый и дважды в одно дерьмо не наступит. Минут через двадцать подоспеет, – он посмотрел на часы и милостиво добавил: – Налей гостям самогону, покуда ожидают нашего марафету.

Кивнув, Белуга засеменил к уборной, на ходу расстегивая брючный ремень. А Северный отправился дальше.

В третьей комнате знакомый маляр белил потолок. В ней Лёва намеревался обустроить свой личный кабинет с диваном, письменным столом и высоким сейфом. С приобретением недвижимости в нем проснулся домовладелец и столоначальник. А какое начальство без кабинета, письменного стола и стального сейфа?

Четвертая и пятая комнаты предназначались для уединения пришедших в гости парочек. Да, и такое здесь случалось – куда ж деваться? Желание клиентов – закон, и хозяин вынужденно шел навстречу. В обеих комнатах он установил за китайскими ширмами широкие железные кровати, занавесил окна плотными шторами, на пол бросил старые, но еще не протертые до дыр ковры. На прикроватных тумбах отливали бронзой канделябры с толстыми свечами. Получилось что-то вроде номеров в домах терпимости при царском режиме.

Последняя, шестая комната предназначалась для главного действия. Она была самой просторной – около шестидесяти квадратных аршинов[19 - Около тридцати квадратных метров.]. Посередине стоял круглый стол с полудюжиной удобных стульев, вдоль стен – сервант с посудой, мягкие кресла, кушетки, этажерка с патефоном, картины в тяжелых рамах. И, опять же, багеты с плотными шторами на окнах. Все было сделано для отдыха с последующим расслаблением.

Заглядывать в залу Лёва не стал. Зачем лишний раз светиться самому и тревожить гостей? Однако, когда из-за прикрытой двери послышался звон разбитой посуды, неприятный скрежет патефонной иглы по грампластинке и залихватский женский смех, Лёва нервно повел небритым подбородком. И, подкараулив вышедшего из туалета Белугу, зашипел:

– Чего там в зале вытворяют?!

– А шо не так?

– Визжат по-свиньячьему! Посуду бьют! Ну-ка живо приструни горлопанов! Чтоб тишина и ажур были в моем доме до самого вечера!

– Ясно, Лёва. Щас все устрою...

К началу Первой мировой войны Лёвка окончательно перебрался в Москву. В первые пару лет финтил по базарам с такими же малолетками, потом прибил к взрослой банде и некоторое время числился в ней огольцом[20 - Оголец – несовершеннолетний преступник.]. Стоял на стреме, был на побегушках, вынюхивал, высматривал... В общем, наработывал навыки. Потом случился арест, уголовное дело и первая ходка в лагерь. Правда, Лёвка был чисто

блатным, политикой в его деле не пахло, поэтому срок за кражу накрутили мизерный – всего-то восемь месяцев.

После освобождения и возвращения в столицу другой жизни он уже не представлял. Жизнь неслась вскачь по нарастающей: взломы, кражи, грабежи, налеты... Много было в арсенале его уголовной деятельности.

До Великой Отечественной войны он успел отсидеть еще дважды. Войну встретил в «ранге» уважаемого вора-законника, однако в грабежах и лихих налетах участия больше не принимал. В юности Лёва не отличался выдающейся внешностью. Так... серый худой воробышек в неброской одежке; таких, как он, воробышков в поисках легкой наживы чирикало по Москве немало. Зато к «полтиннику» он приобрел седину, солидность и помимо пуза отрастил второй подбородок. Вместе с подбородком, к его большому сожалению, накопилось несколько болячек, часть из которых основательно досаждала. Особенно огорчало шалившее сердце – Лёва задыхался даже при быстрой ходьбе, а однажды на улице потерял сознание и очнулся в больнице.

Знакомый доктор посоветовал бросить курить, поменьше налегать на спиртное и перейти на легкий труд. «Что ты имеешь в виду? – обиделся Северный. – Выращивать укроп с морковкой?» «Я не знаток Уголовного кодекса, – ответил тот, – но, полагаю, есть преступления, не требующие больших физических нагрузок. Аферы, подлоги, приписки...»

После того разговора Лёва взял в разбое месячную паузу и впервые задумался над своей жизнью.

Из буйной молодости Лёва вынес одну простую истину: нищета – незаменимая и самая лучшая школа для человека. Правда, понял он это, став уважаемым и весьма не бедным вором.

Лёва давно считал старый купеческий дом своей вотчиной. Доживавших век одиноких глухих старух из дальней правой комнаты он в расчет не брал. Та комната была записана на одну из них, соседняя – на другую. А все остальное после череды махинаций принадлежало Лёве. Последних свидетельниц постреволюционной коммунальной эпохи он не трогал из принципа и из корыстных побуждений. «Пушай спокойно живут до самой смертушки, –

посмеивался он в ответ на удивленные вопросы корешей и проходящей публики. – Мне они не мешают, а польза от них, как ни крути, имеется».

Польза действительно была. Однажды жильцами бывшего купеческого дома заинтересовалась районная жилищная комиссия. Приперлась делегация в составе двух бойких комсомолок и нескольких молчаливых мужиков. От одного за версту разило махоркой и нафталином, от второго – дешевым вином. Ходили по коридорам, осматривали комнаты, помещения, окна, двери... Первая старушка в это время сидела у окна дальней комнаты, пила пустой чай и вспоминала двух покойных мужей. Вторая мирно дремала под пледом в кресле-качалке в помещении через стенку.

Лёва безропотно показал комиссии документы на четыре комнаты, паспорт и копии метрик своих многочисленных детей. Дети были рождены в разное время, разными женщинами, в разных городах и фактически проживали в разных частях огромной страны. Только никто об этом не знал, так как прописаны (конечно же фиктивно) все как один были в купеческом доме. В ответ на претензию об излишках жилплощади Лёва на голубом глазу заявил: «Какие излишки, барышни?! Скоро супружница привезет от родни детишек, престарелую тещу, и мне опять придется спать на раскладушке в коридоре».

Подкрепленный документами довод был убедителен. Тогда комиссия налегла на бабушек – не много ли каждая занимает квадратных аршинов? Ветераны аж подпрыгнули от такой наглости, а после встретили натиск заученными фразами: «Мы представители московского рабочего класса и заработали аршины честным пролетарским трудом. Ежели чего и отпишем, то исключительно соседу Северному. Он многодетный и относится к нам как архангел Гавриил. Не то что вы, нехристи! Кабы не такие, как он, так и Николашку бы с трона не скинули!..»

Заслышав решительные речи, пронизанные православным и марксистским гневом, комиссия поспешила ретироваться и больше в купеческом доме не появлялась. Лёва снова расправил плечи, ну а старушки получили на ужин заслуженный белый хлеб с клубничным вареньем и уснули в своих комнатах с блаженными улыбками на устах.

...Кумекать Лёва умел – недаром большую часть жизни провел в Москве, а не в Балашихе или в Гольянове. После серьезного разговора с доктором в его голову лезли мысли о подкупах должностных лиц из Госбанка и о прочих финансовых аферах. Потом мыслительный процесс вильнул в сторону обычного борделя. А

что? Это было проще, дешевле и, как говорится, стоило меньших нервов.

Идея понравилась, но смущала сама ее суть – Лёва Северный никогда не видел себя в роли заурядного бардача[21 - Бардач – содержатель притона разврата.]. Положение уважаемого московского вора не сожительствовало со специальностью владельца притона примерно так же, как молоко не желало соседствовать в желудке с селедкой.

И тут помог случай. Белуга издавна любил отметить удачное дельце банды Северного поллитровкой самогона или дозой хорошего марафета. С самогоном было все просто, а вот марафет ему поставлял Авиатор, который мог достать что угодно. Авиатор и вышел на человека, присылавшего в Москву незнакомый и очень сильный препарат. Попробовав его, Белуга пришел в восторг и тут же предложил Лёве организовать наркотический притон. «А ведь неплохая мысль! – подумал тот. – Марафет, какого бы он ни был происхождения, завсегда ценился и уважался в криминальном мире. Это не бордель с проститутками. Это совсем другой коленкор!»

Так и завертелось. Лёва дал согласие Белуге, тот переговорил с Авиатором, Авиатор вышел на поставщика с предложением о поставке оптом приличных партий препарата. В общем, через некоторое время Лёва Северный стал счастливым обладателем двух комнат в купеческом доме, где и начал потихоньку принимать гостей, страждущих неземного наслаждения.

Все гости были проверенными и при деньгах, умели держать язык за зубами. Каждому Лёва неоднократно сказывал: «Желаешь получать удовольствие – приходи, плати бабки и получай. Только делай все тихо и аккуратно. А ежели меня накроют, то навсегда позабудешь о хорошем марафете».

...Последнее местечко, куда Лёва заглядывал с особым удовольствием, было небольшое помещение с недавно установленной новенькой чугунной ванной. Помимо самой ванны здесь появилась керамическая плитка на стенах, новые трубы, краны иностранного производства, два матовых плафона на изогнутых мельхиоровых ножках по обе стороны от овального зеркала, блестящие крючки и полочки из того же мельхиора. И множество других причудливых деталей интерьера.

Все это делалось Лёвой на будущее. Кто знал, сколько еще продержится организованный им притон – полгода, год, два?.. Люди, поставлявшие ему чудо-марафет, поговаривали, будто запасов его осталось немного. К тому же беспокоил неизменный риск, рука об руку идущий с такими опасными затеями. А тут еще несчастье с пловцом, прыгнувшим с лодки в воду и не вернувшимся на поверхность. В общем, притон притоном, а обустроенная квартирка в кирпичном доме никогда не помешает. Ее можно с выгодой сдавать, а можно при случае и сбыть за хорошую цену. Хотя о продаже Лёва думать решительно не хотел. К чему торопиться? Район хороший, спокойный. От Грохольского до Садового всего-то два квартала и столько же до Бульварного. Это ж почти центр! Да еще эти слухи, точившие Лёвину стабильность, словно могильные черви. В Москве народ все громче поговаривал о грядущей денежной реформе. Дескать, офицерье вернулось с войны при больших деньгах, и товаров в стране на эти средства не набрать, и ежели все разом придут отовариваться, то экономика государства затрещит по швам. Потому продавать купеческий дом и держать немалое богатство в ненадежных бумажных купюрах Северный опасался.

Закончив осмотр владений, он снова посмотрел на часы и подошел к двери. Отодвинув толстый засов, приоткрыл тяжелую дверь, выглянул в образовавшуюся щель. На крыльце и рядом с ним никого не было. Прямо через двор грустно вздыхала гармонь, справа в переулке переговаривались женщины.

Лёва запер дверь и направился в большую кладовую, располагавшуюся в торце дома. В кладовой имелось оконце, через которое можно было осмотреть часть Грохольского переуллка.

Напротив торца купеческого дома точили лясы две дородные тетки. Одна в светлой косынке и с хозяйственной торбой, другая – простоволосая, с полным тазом свежевывстиранного белья.

– Где же его носит? – сплюнул Северный на пол. – Неужто и вправду попался? Этого нам недоставало...

В миру Авиатора звали Борькой Гулько. Кличка прицепилась за ним потому, что ранее он занимался контрабандой, за что и отмотал два приличных срока. А всех контрабандистов в Москве издавна величали «авиаторами».

Раз в неделю Лёва выдавал Борьке приличную денежную сумму. Из своей квартиры тот прихватывал потертый саквояж со сменой белья и дюжиной вареных яиц, совал за пояс старенький «ТТ» со сбитым номером и уезжал на поезде с Ленинградского вокзала за чудо-марафетом. Возвращался он через трое или четверо суток – уставший, но счастливый, ибо за каждую удачную ходку ему полагался изрядный куш. После поездки он пару дней отсыпался и отдыхал, потом вновь являлся к Лёве за бабками и топал на Ленинградский вокзал...

Притон работал без перебоев. Гостей опасливый Лёва специально приглашал группами по три-пять человек не по строго заведенному графику, а в разные дни недели и в разное время суток – когда днем, когда вечером, а когда и глубокой ночью. Имело значение для конспирации и то, что дом стоял в отдалении от других жилых строений, и то, что Лёва требовал от гостей железной дисциплины – не шуметь, не петь, на улицу под марафетом носа не казать. За исполнением сих правил строго следил Белуга.

За все время работы притона накладок случилось около десятка. Кто-то сказал бы: многовато. А кто-то, оценив количество клиентов, ежемесячно проходящих через купеческий дом, отмахнулся бы: ерунда!..

Первая накладка случилась давненько в Калининне, когда поезд шерстил отряд легавых. Авиатор успел до шмона скинуть под лавку закутанную в тряпицу пачку купюр, и тогда все обошлось. Все остальные, кроме последней, происходили по глупости из-за неправильно рассчитанной дозы. Чудо-марафет был удивительно хорош, если колоть правильную дозу. На первом месте в ее расчете значился вес клиента. Конечно, имели значение и пол, и возраст, и общее состояние здоровья... Но кто станет заниматься такой бодягой? Не требовать же на входе справку из поликлиники! Лёва строго наказал Белуге, чтобы тот учитывал вес. Это было главным условием приема наркотика. И все же осечки иногда происходили, и человек двадцать, уйдя в мир грез, обратно не вернулись. Каждый раз приходилось избавляться от тел, нервничать, не спать ночами...

Наконец, последняя накладка произошла в прошлую ходку, когда Борьке всего-то и оставалось покинуть вокзал и дотопать до дома в Грохольском переулке. Так нет же, сверкнул фиксой в милицейский патруль, и понеслось. «Минуточку, гражданин; ваши документы; что у вас в саквояже...» Пришлось рвать когти, а потом и вовсе палить из волыны[22 - Волына – пистолет.].

Длинноногий Авиатор снова вышел из воды сухим и приволок в купеческий дом долгожданную партию марафета. Через пару дней Лёва осторожно навел справки и разузнал о стрельбе во 2-м Коптельском. Один легавый был убит, второй – ранен.

Первая мысль, пришедшая на ум Лёвы, была следующая: объявить гостям-завсегдатаям двухнедельный перерыв, закрыть притон и затаиться. Он поделился страхами с надёжными завсегдатаями, но те подняли его на смех: «Лёва, что за уборка?![23 - Уборка – похороны.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Папировка, бессемянка – сорта яблонь.

2

Глуподырый (устар.) – глупый.

3

Стрекулист (устар.) – пронырливый человек, ловкач.

4

Кокс – одно из жаргонных названий кокаина. Всего же у самого популярного наркотического вещества в мире насчитывается более сотни названий. Кошка, кокос, белая лошадь, снег, си, тетя Нора, иней, пыль, орех, чарли и т. п.

5

Сокольников Григорий Яковлевич – революционер, участник Гражданской войны, советский государственный деятель, нарком финансов РСФСР. Был одним из инициаторов введения в обращение твердой валюты – советского «червонца».

6

Фуфлыга – невзрачный маленький мужичок.

7

Не локшить – не уметь что-нибудь делать.

8

Барыга – скупщик и торговец краденым.

9

Ветрогонка – вздорная баба.

10

Посадить на сквозняк – напасть на жертву с разных сторон.

11

Окаём – отморозок.

12

Акробат – пассивный гомосексуалист.

13

Баклан – хулиган, неопытный вор, мелкий спекулянт.

14

Долото – отчаянный, шустрый подросток.

15

Баламошка – полоумный, дурачок.

16

Катить баллон – задерживаться.

17

Крутиловка – облава.

18

Байдан – вокзал.

19

Около тридцати квадратных метров.

20

Оголец – несовершеннолетний преступник.

21

Бардач – содержатель притона разврата.

22

Волына – пистолет.

23

Уборка – похороны.

Купить: https://tellnovel.com/sharapov_valeriy/igla-smerti

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)